

Original article

УДК 314.8(571.6)

<https://elibrary.ru/BFCSQD>

Demographic Dynamics in the Far East of Russia: Stable Trends and New Challenges

Maria A. Gritsko

The Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk, Russia

gritsko@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413>

Abstract. *The article analyzes the long-term trend of demographic processes in the Russian Far East. It is shown that during 1991-2024, the demographic dynamics were characterized by high stability, maintaining a negative trend. Over a more than thirty-year period, the population of the Far East has decreased by a quarter with the average Russian indicator of 2%. Three groups of subjects are identified depending on the scale of demographic losses. The first, most favorable, was characterized by a decrease in the total population within 10% compared to 1991 (the Republics of Buryatia and Sakha (Yakutia). The second group was characterized by a significant loss of demographic potential during the analyzed period, about 70% of the population (Magadan Oblast, Chukotka Autonomous Okrug). The third group included all other Far Eastern entities, the population decline in which varied in the range of 20-40%. To identify the most unfavorable periods in the demographic development of the macroregion, the dynamics of total, natural and migration growth were analyzed. It was shown that 55% of the total population decline in the macroregion occurred in the first decade of the analyzed period. The bulk of the losses were due to a negative migration balance. In subsequent periods, the intensity of population decline decreased. Since 2020, the traditional structure of demographic dynamics factors for the macroregion has been transformed. Population decline was primarily a consequence of the negative performance of natural movement. Forecast estimates The prospective population size of the Far East indicates the continued leading role of natural processes, the negative impact of which will determine the reduction of the demographic potential.*

Keywords: *population size, total growth, natural growth, migration growth, subject of the Russian Federation, the Far East*

For citation: Gritsko, M. A. (2025) Demographic Dynamics in the Far East of Russia: Stable Trends and New Challenges *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (111), pp. 18–25. EDN: BFCSQD

Научная статья

Демографическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы

Мария Анатольевна ГрицкоИнститут экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
gritsko@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413>

Аннотация. В статье проведен анализ долгосрочного тренда демографических процессов на Дальнем Востоке России. Показано, что на протяжении 1991–2024 гг. демографическая динамика характеризовалась высокой устойчивостью, сохраняя отрицательную направленность. За более чем тридцатилетний период население Дальнего Востока сократилось на четверть при среднероссийском показателе 2%. Выделены три группы субъектов в зависимости от масштабов демографических потерь. Для первой, наиболее благополучной, было характерно снижение общей численности населения в пределах 10% относительно 1991 г. (Республики Бурятия и Саха (Якутия)). Вторая группа характеризовалась значительной потерей демографического потенциала за анализируемый период, порядка 70% населения (Магаданская область, Чукотский автономный округ). В состав третьей группы вошли все остальные дальневосточные субъекты, сокращение населения в которых варьировало в диапазоне 20–40%. Для идентификации наиболее неблагоприятных в демографическом развитии макрорегиона периодов была проанализирована динамика общего, естественного и миграционного прироста. Показано, что 55% от общего сокращения населения в макрорегионе пришлось на первое десятилетие анализируемого периода. Основная часть потерь была обусловлена отрицательным сальдо миграции. В последующие периоды интенсивность убыли населения сократилась. С 2020 г. трансформировалась традиционная для макрорегиона структура факторов демографической динамики. Убыль населения стала следствием, прежде всего, отрицательной результативности естественного движения. Прогнозные оценки перспективной численности населения Дальнего Востока свидетельствуют о сохранении ведущей роли естественных процессов, отрицательная результативность которых будет определять сокращение демографического потенциала.

Ключевые слова: численность населения, общий прирост, естественный прирост, миграционный прирост, субъект РФ, Дальний Восток

Для цитирования: Грицко, М. А. Демографическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 2 (111). С. 18–25. EDN: BFCSQD

Введение

Социально-экономическое развитие России и ее регионов на современном этапе сталкивается с острыми демографическими вызовами, обусловленными нарастанием естественной убыли населения, сокращением миграционных потоков, неспособных компенсировать сокращение населения в результате естественных причин [Агеев, Золотарева, 2023; Антонов, Карпова, 2025; Архангельский, Золотарева, Кучмаева, 2024]. В 2024 г. уровень

рождаемости в Российской Федерации достиг исторического минимума, опустившись до 8,4 промилле. В совокупности с высокими показателями смертности это обуславливает ежегодный рост естественной убыли населения¹. Демографическая повестка и острота проблемы сокращения демографического потенциала обсуждаются на всех уровнях власти, в научном и экспертном сообществе, предлагаются различные инициативы, направленные на повышение рождаемости, в особенно-

¹ Естественное движение населения. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_03-2025.htm (дата обращения: май 2025 г.).

сти среди молодых когорт женщин². При этом проявление демографического кризиса в регионах значительно различается, на карте есть как субъекты, сохраняющие высокие показатели рождаемости (прежде всего, субъекты Северо-Кавказского федерального округа), так и территории с крайне низкими показателями, значительно уступающими среднероссийским параметрам (Ленинградская область) [Безвербный, Мирязов, 2022].

Динамика численности населения Дальнего Востока, в отличие от общероссийской, описывается устойчивой нисходящей кривой, остающейся неизменной с 1991 г. Демографические проблемы Дальнего Востока регулярно обсуждаются среди политического и академического сообщества, а с присвоением в 2013 г. макрорегиону приоритетного статуса дискуссия только усилилась [Грицко, 2024; Развитие ..., 2024].

Обширный пакет стратегических документов развития, принятых за последнее десятилетие в отношении макрорегиона, повсеместно содержат цель по сохранению населения в округе и дальнейшему наращиванию человеческого потенциала³. В отношении макрорегиона была принята Концепция демографического развития Дальнего Востока до 2025 г., устанавливающая нормативные индикаторы в рамках двух этапов ее реализации (2017–2020 гг. и 2021–2024 гг.). Принятие подобного документа и отсутствие аналогов для других территорий с отрицательной динамикой численности населения сформировало завышенные ожидания в отношении перспектив демографического развития макрорегиона. Однако срок реализации Концепции завершился в 2024 г., а реальные результаты оказались далеки

от запланированных [Грицко, 2021]. Высокая вероятность невыполнения заложенных в документе показателей была очевидна уже на первом этапе реализации, поскольку реальная динамика с каждым годом все сильнее отклонялась от запланированного тренда. Возникновение в начале 2020-х гг. факторов шоковой природы, с которыми столкнулась социально-экономическая система (пандемия новой коронавирусной инфекции, усиление санкционного давления на экономику и др.) только усилило разрыв между планируемыми и фактическими результатами.

Долгосрочные демографические тренды

На начало 2025 г. население Дальнего Востока продолжило сокращаться и составило 7860,3 тыс. человек. Относительно предшествующего года численность жителей макрорегиона снизилась чуть более чем на 6 тыс. человек. Если же сопоставлять данные текущего учета населения с максимально наблюдавшейся численностью в 1991 г., то демографический потенциал сократился практически на четверть. При этом при среднем по макрорегиону 25%-ом показателе в региональном разрезе ситуация характеризуется высокой неоднородностью. По темпу сокращения можно выделить как минимум три группы субъектов: наиболее благополучная, демографические потери в которых составили не более 10%, включает Республику Бурятия и Саха (Якутию). За период 1991–2025 гг. население этих субъектов уменьшилось на 7,7% и 10% соответственно. Крайне неблагоприятная группа включает Магаданскую область и Чукотский автономный округ, которые за период потеряли 65,0% и 69,8% своего населения. Третья

² В Государственной Думе обсуждается инициатива о выделении дополнительно к материнскому капиталу 1 млн рублей за рождение первого ребенка в возрасте до 24 лет (Молодым россиянкам до 24 лет готовят щедрую надбавку к маткапиталу. URL: <https://penzavzglyad.ru/novosti-rossii/184227/-molodym-rossiyankam-do-24-let-gotovyat-schedruyu-nadbavku-k-matkapitalu>) (дата обращения: май 2025 г.).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.06.2017 №1298-р (с изм. на 29.11.2023) «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» (URL: <https://docs.cntd.ru/document/436744671> (дата обращения: май 2025); Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.09.2020 №2464-р «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года» URL: <http://static.government.ru/media/files/NAISPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn1l6eGqD.pdf> (дата обращения: май 2025 г.).

группа включает субъекты со средним уровнем падения в диапазоне 20–40%. В состав этой группы вошли Забайкальский край – 25,4%, Камчатский край – 39,8%, Приморский край – 22,1%, Хабаровский край – 21,6%, Амурская область – 28,6%, Сахалинская область – 36,0% и Еврейская автономная область – 34,2%.

Рисунок 1 наглядно иллюстрирует масштаб демографических потерь Дальнего Востока и входящих в его состав субъектов относительно начала 1991 г. в сравнении со среднероссийским показателем. В целом по стране население на начало 2025 г. составило 98,5% от уровня 1991 г. На Дальнем Востоке масштаб сокращения населения был более значительным, относительно 1991 г. макрорегион в результате естественной и миграционной убыли потерял практически четверть жителей.

Демографическая динамика на Дальнем Востоке, отличаясь постоянством отрицательной направленности на протяжении более трех десятилетий, характеризовалась разной интенсивностью естественных и миграционных процессов в отдельные периоды. С целью идентификации наиболее сложных в демографическом измерении периодов развития макрорегиона была проанализирована динамика общего, естественного и миграционного прироста в разрезе пятилетних периодов,

начиная с 1991 года (рис. 2).

Приведенный график демонстрирует, что основная доля от общих демографических потерь макрорегиона за период 1991–2024 гг. была следствием масштабной убыли населения в 1990-е гг. Из общего сокращения численности дальневосточников на 2,5 млн чел. 55% пришлось на первое десятилетие анализируемого периода. Мгновенной реакцией на происходящие социально-экономические трансформации в этот период стал резкий рост миграционного оттока населения. При общей убыли населения за 1991–1995 гг. в размере 792,2 тыс. человек потери за счет отрицательного миграционного прироста составили 826,6 тыс. чел. Незначительный компенсационный эффект принес естественный прирост населения.

В последующие периоды в отрицательной зоне находился как естественный прирост, так и миграционный, но масштабы последнего уже не были столь значительными, как в первый пятилетний период. Вплоть до 2010 г. сохранялась отрицательная результативность естественных и миграционных процессов. При этом с каждым пятилетним периодом масштабы потерь постепенно сокращались. К 2006–2010 гг. отрицательный естественный прирост уменьшился до 15,9 тыс. чел., чему способствовал начавшийся в этот период рост рождаемости, благодаря

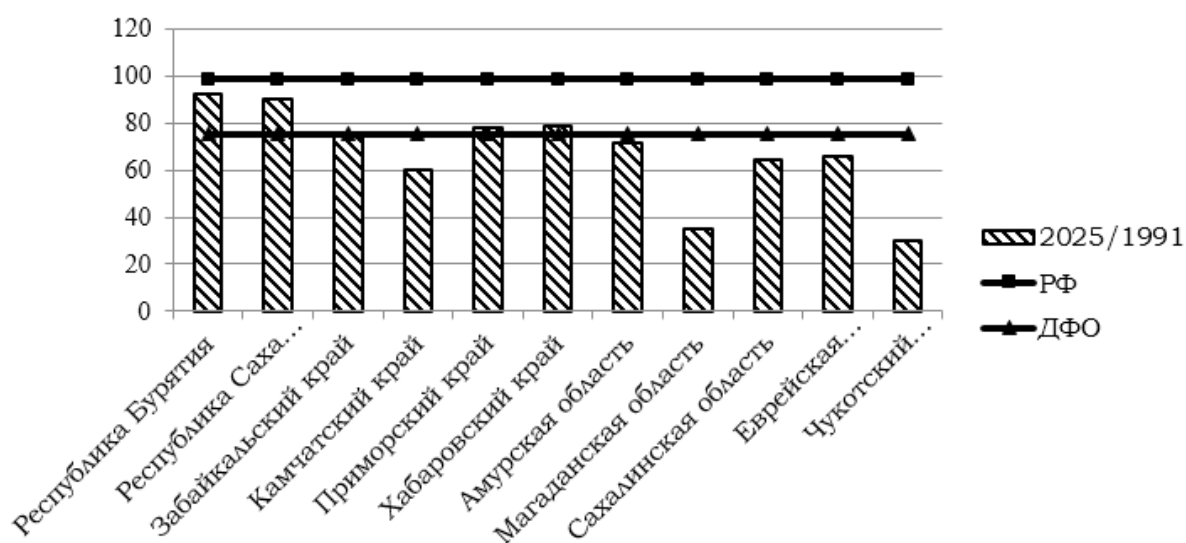


Рис. 1. Темп сокращения населения, %⁴

⁴Численность постоянного населения на 1 января. <https://fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: май 2025 г.)

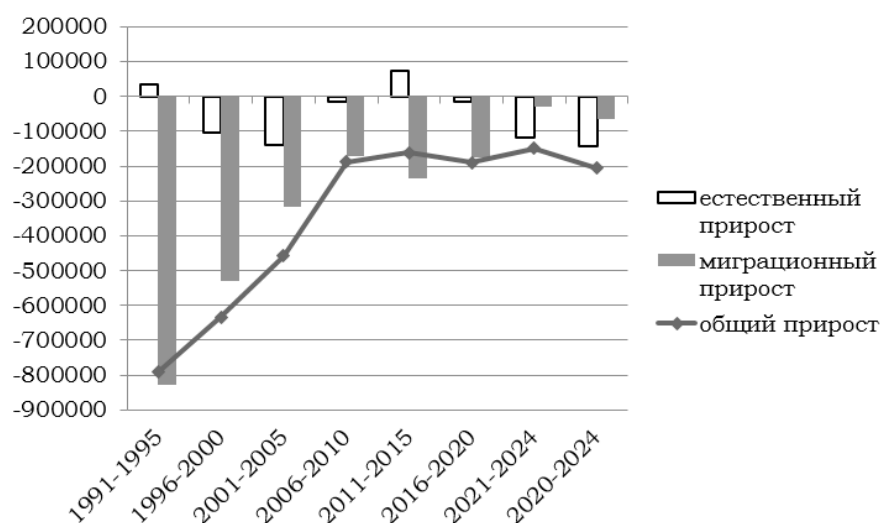


Рис. 2. Общий, естественный и миграционный прирост населения Дальнего Востока, чел.

вхождению в активный репродуктивный возраст многочисленных поколений, рожденных в 1980-е годы, а также введение в 2006 г. мер государственной поддержки при рождении вторых и последующих детей (материнский капитал) [Вакуленко, Рыжкина, 2024; Архангельский, Золотарева, Кучмаева, 2024]. Благоприятное сочетание тенденций в области рождаемости и смертности привело к тому, что демографическим результатом 2011–2015 гг. стал естественный прирост населения в размере 72377 чел. Вместе с тем, он не повлек за собой увеличения численности населения Дальнего Востока, поскольку миграционное сальдо сохранилось отрицательным. Период 2016–2020 гг. вновь характеризовался отрицательной результативностью. При естественной убыли 14,7 тыс. чел. миграционная составила 175,8 тыс. чел.

Следует отметить, что переломный с точки зрения траектории естественных процессов 2020 г. (при используемой в статье периодизации) попал в пятилетний период 2016–2020 гг., и следующий интервал включал уже только четыре года с 2021 г. по 2024 г. Но дополнительно был выделен период 2020–2024 гг. с целью совокупной оценки последствий пандемии для демографического потенциала макрорегиона. Рисунок 2 наглядно демонстрирует «новое» для Дальнего Востока соотношение между естественной и миграционной убылью, которое

возникло в результате распространения пандемии новой коронавирусной инфекции, а в настоящее время усиливается за счет сокращения рождаемости. За все предыдущие годы, начиная с 1991 г., не наблюдалось естественной убыли, превышающей по своему масштабу миграционный отток. Совокупная естественная убыль населения за 2021–2024 гг. практически в 4 раза превысила миграционную: 119082 человек против 30569. Если включить в анализ год начала пандемии, то потери населения в результате естественной убыли увеличатся до 141946 чел., а миграционное сальдо составит 64420 чел.

До пандемии новой коронавирусной инфекции динамика населения на Дальнем Востоке характеризовалась устойчивым во времени и неизменным с 1991 г. соотношением между демографическими факторами: основная причина убыли населения – это отрицательное миграционное сальдо, которое всегда по своему масштабу превышало отрицательное сальдо рождаемости и смертности. Если же наблюдался естественный прирост населения, то его масштабы не позволяли компенсировать миграционные потери.

С 2020 г. развитие Дальнего Востока описывается «новой» демографической траекторией, отличительной характеристикой которой выступает то, что определяющим фактором динамики численности населения становится результативность

естественных процессов. О сохранении в перспективе до 2046 г. подобной структуры факторов свидетельствуют данные демографического прогноза Федеральной службы государственной статистики (рис. 3).⁴ На протяжении всего прогнозного периода ожидается сохранение отрицательной результативности естественного движения, миграционный прирост с 2043 г. перейдет в положительную плоскость. При этом масштабы потерь в результате естественных процессов в разы превышают прогнозируемое миграционное сальдо. Следует отметить, что прогноз включал в себя и 2024 г., официальные статистические данные по которому уже размещены в открытом доступе. Исходя из сопоставления фактических и прогнозируемых данных можно заключить, что в отношении естественного прироста прогнозное значение и реальное практически идентичны (-31,3 тыс. чел. по прогнозу и -30,3 фактически), по миграционному приросту фактические данные кардинально отличаются от прогнозных. По итогам 2024 г. на Дальнем Востоке был зафиксирован положительный миграционный прирост практически по всем субъектам (исключение составил Чукотский автономный округ), что обеспечило

прирост населения макрорегиона на 24,2 тыс. человек. По прогнозным данным миграционный прирост должен был составить -10,0 тыс. чел.

Заключение

Общий демографический тренд на Дальнем Востоке, несмотря на отдельные периоды положительной результативности основных демографических процессов, остается отрицательным. Принимаемые государством меры, направленные на стабилизацию численности населения в макрорегионе, не приносят ожидаемых результатов [Грицко, 2023]. На фоне общего сокращения населения с 2020 г. произошел перелом в распределении влияния демографических факторов на общий прирост. Длительно существовавший тренд первостепенного отрицательного влияния миграции сменился, и на первое место вышли естественные причины убыли населения. Прогнозные оценки свидетельствуют, что в ближайшие двадцать лет сохранится естественная убыль населения, значительно превышающая по своему масштабу потери в результате отрицательного миграционного прироста. Совокупное отрицательное влияние этих двух демографических факторов сохранит в перспективе проблему дефицита трудо-

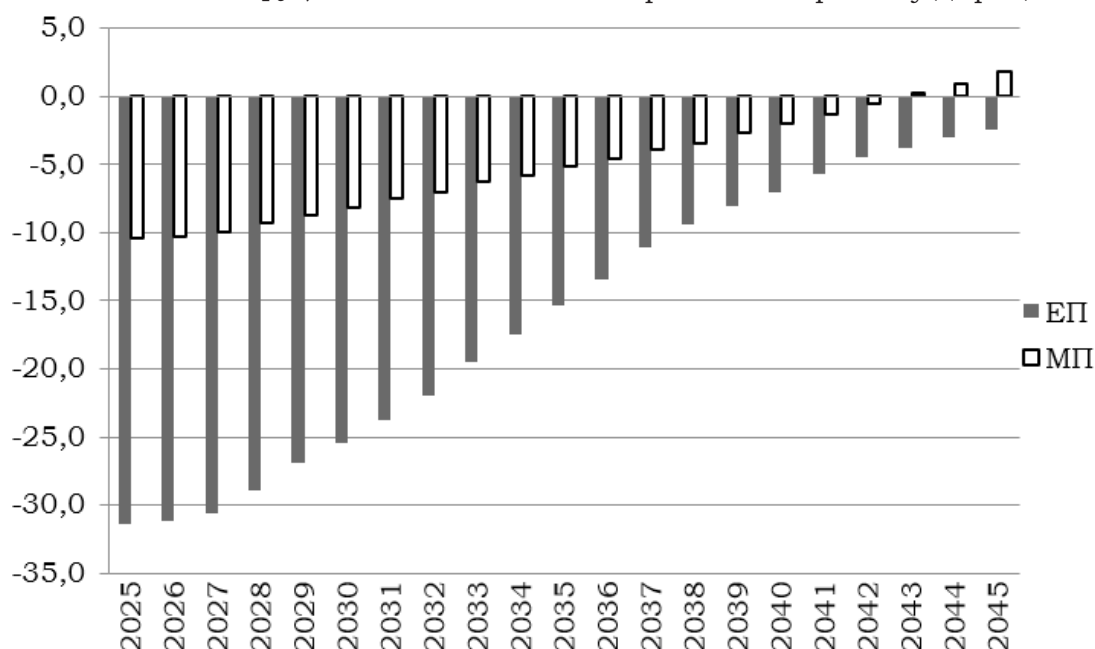


Рис. 3. Прогнозная динамика естественного (ЕП) и миграционного прироста (МП), тыс. чел.

⁴ Предположительная численность населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285> (дата обращения: май 2025 г.).

вых ресурсов, что в условиях приоритетного развития дальневосточного макрорегиона будет оказывать сдерживающее влияние на экономический рост и потре-

бует поиска компенсаторов существенно-го недостатка ресурсов труда [Белоусова, Грицко, 2024; Прокапало, Бардаль, Исаев, Мазитова, 2025].

Список источников:

1. Агеев, А. И., Золотарева, О. А. Демографическая политика в России: оценка результативности // Вопросы статистики. 2023. № 30 (2). С. 53–71. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71> EDN: HUAWAW
2. Антонов, А. И., Карпова, В. М. Сравнительный анализ демографических прогнозов: оценка долгосрочных тенденций для мира и России // Проблемы прогнозирования. 2025. № 2 (209). С. 180–191. DOI: 10.47711/0868-6351-209-180-191 EDN: TLRBPN
3. Архангельский, В. Н., Золотарева, О. А., Кучмаева, О. В. Два подхода к измерению результативности демографической политики (на примере федерального материнского капитала) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 6. С. 77–97. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.4 EDN: MTOVAR
4. Безвербный, В. А., Мирязов, Т. Р. Депопуляция геостратегических территорий Российской Федерации в зеркале пространственной демографии // Политическая наука. 2022. № 4. С. 185–206. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.09> EDN: DSMFBV
5. Белоусова, А. В., Грицко, М. А. Оценка перспективных потребностей экономики в трудовых ресурсах: сценарные эксперименты для Дальнего Востока России // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 6. С. 46–63. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.6.46> EDN: AXZNGA
6. Вакуленко, Е. С., Рыжкина, А. Е. APC-моделирование связи коэффициентов рождаемости по очередности рождения с экономическими шоками в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 84–102. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_84-102 EDN: RAIUOI
7. Грицко, М. А. Социально-демографические параметры Дальнего Востока России в условиях реализации документов стратегического развития // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 2 (95). С. 36–46. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46 EDN: VELQUU
8. Грицко, М. А. Демографическая динамика в дальневосточных субъектах РФ в 2013–2022 гг. // Регионалистика. 2023. Т. 10. № 4. С. 7–28. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2023.4.7> EDN: FDILUO
9. Грицко, М. А. Демографическая динамика Дальнего Востока и ее компоненты: итоги 2014–2023 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107). С. 36–42 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-36-42> EDN: QYIAYE
10. Прокапало, О. М., Бардаль, А. Б., Исаев, А. Г., Мазитова, М. Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2024 г. // Пространственная экономика. 2025. Т. 21. № 2. С. 138–183. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2025.2.138-183>
11. Развитие больших социально-экономических систем: Дальневосточный макрорегион / отв. ред. П. А. Минакир, А. Г. Исаев; Институт экономических исследований ДВО РАН. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2023. 352 с.

References:

1. Ageev, A. I., Zolotareva, O. A. (2023) Demographic Policy in Russia: Performance Evaluation *Voprosy Statistiki* [Questions of statistics], no. 30 (2), pp. 53–71. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71> EDN: HUAWAW (in Russ.).
2. Antonov, A. I., Karpova, V. M. (2025) Comparative analysis of demographic forecasts: assessment of long-term trends for the world and Russia *Problemy prognoziro-*

vaniya [Studies on Russian Economic Development], vol. 36, no. 1, pp. 180–191. DOI: 10.47711/0868-6351-209-180-191 EDN: TLRBPN (in Russ.).

3. Arkhangel'skiy, V. N., Zolotareva, O. A., Kuchmaeva, O. V. (2024). Two approaches to assessing the effectiveness of demographic policy (using the example of federal maternity capital) *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye izmeneniya: fakty, tendentsii, prognozy* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], no. 17 (6), pp. 77–97. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.4 EDN: MTOVAP (in Russ.).

4. Bezverbny, V. A., Miryazov, T. R. (2022) Depopulation of geostrategic territories of the Russian Federation in the mirror of spatial demography. *Political science (RU)*, no. 4, pp. 185–206. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.09> EDN: DSMFBV (in Russ.).

5. Belousova, A. V., Gritsko, M. A. (2024) Assessment of the Economy's Prospective Labor Resources Needs: Scenario Experiments for the Russian Far East *Regionalistika* [Regionalistics], vol. 11, no. 6, pp. 46–63. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.6.46> EDN: AXZNGA (in Russ.).

6. Vakulenko, E. S., Ivashina, N. V. & Svistyl'nik, Y. O. (2023). Regional Maternity Capital Programmes: Impact on Fertility in Russia *Ekonomika regiona* [Economy of regions], 19(4), pp. 1077–1092. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-10> EDN: RAIUOI (in Russ.).

7. Gritsko, M. A. (2021) Socio-demographic parameters of the Far East of Russia in the conditions of the implementation of documents of strategic development *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (95), pp. 36–46. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46 EDN: VELQQU (in Russ.).

8. Gritsko, M. A. (2023) Demographic Dynamics in the Far Eastern Subjects of the Russian Federation in 2013–2022 *Regionalistika* [Regionalistics], vol. 10, no. 4, pp. 7–28. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2023.4.7> EDN: FDILUO (in Russ.).

9. Gritsko, M. A. (2024) Demographic dynamics of the Far East and its components: results of 2014–2023 *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (107), pp. 36–42 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-107-2-36-42> EDN: QYIAYE (in Russ.).

10. Prokapalo, O. M., Bardal, A. B., Isaev, A. G., Mazitova, M. G. (2025) Economic Situation in the Far Eastern Federal District in 2024 *Prostranstvennaya Ekonomika* = Spatial Economics, vol. 21, no. 2, pp. 114–137. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2025.2.138-183> (in Russ.).

11. Development of Large Socio-Economic Systems: Far Eastern Macroregion / Ed. P. A. Minakir, A. G. Isaev; Economic Research Institute FEB RAS. – Khabarovsk : ERI FEB RAS, 2023. 352 p. (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.05.2025; одобрена после рецензирования 10.06.2025; принята к публикации 16.06.2025.

The article was submitted 12.05.2025; approved after reviewing 10.06.2025; accepted for publication 16.06.2025.

Информация об авторе

М. А. Грицко – кандидат экономических наук, ученый секретарь, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

M. A. Gritsko – Candidate of Economic Sciences, scientific Secretary, the Economic Research Institute, FEB RAS.